

ДЕКАДАНС И ТЕОРИИ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: декаданс, переходные периоды, мифы народов мира, теории циклической истории, исторический пессимизм идеализации прошлого, золотой век

Когда заходит речь о декадансе, то принято говорить о «метаисторическом» характере этого явления, когда его многочисленные составляющие наглядно проявляются в различных культурно-исторических эпохах: в эллинистическом периоде греческой культуры, на закате Римской империи, в мировосприятии барокко и на рубеже XIX–XX веков. Практически все эти временные отрезки можно отнести к переходным периодам, для которых характерна «необычайная разнородность литературных явлений, многообразии направлений, без преобладания какого-либо определенного, открытость границ художественных систем, экспериментирование с художественным текстом и с собственным сознанием» [9, 21].

Именно переходные периоды являют собой благодатную почву для декадентских настроений, которые, проникнув в общественную, философскую научную и религиозную мысль, способствуют переоценке устоявшихся ценностей, когда человек начинает осознавать себя свободным от прокрустова ложа догм и религий, социальных структур, от наивного деления на белое и черное. Потребность в декадансе человечество начинает испытывать в момент неопределенности, неуверенности, как правило, когда одна историческая эпоха исчерпала свои возможности, а другая еще не зародилась, или, говоря словами Бердяева, когда «старое, гнилое, лживое еще не разрушено до конца, а новое, живое, правдивое еще не создано» [1, 142].

Идея о том, что тому или иному поколению суждено жить в период политического и культурного упадка, в эпоху «декаданса», витала в воздухе задолго до XIX века. Концепция декаданса превалировала во многих религиозных космологиях древности, что

подтверждают многочисленные мифы народов мира, которые сообщают нам об очень отдаленной эпохе, когда человек пребывал в своей невинности, не знал, что такое смерть, труд, страдания, и ему стоило только протянуть руку, чтобы вкусить земных плодов. Но рано или поздно это райское блаженство, дарованное ему свыше, должно было закончиться. В процессе падения или деградации первобытные добродетели утрачивались, и люди, оказавшись существами смертными, вынуждены были начать работать, чтобы прокормиться.

Подобные концепции доминировали в архаических апокалипсисах и антропогониях (мифы о происхождении человека). Как правило, сюжетный стержень у них един: потоп или наводнение являются закономерным финалом для истощившегося и погрязшего в грехах человечества. После этих катаклизмов нарождается новое поколение людей – обычно начало ему дает мифический «предок», или лунное животное.

В чем смысл всех этих мифов? В том, что мир рождается, дряхлеет, гибнет и вновь возрождается без всякого промедления. Такие предположения были, как правило, одной из составляющих частей так называемой теории циклической истории, допускающей, что мир обречен на бесконечные повторения модели вырождения. Подобные ощущения особенно остро дают о себе знать на исходе века, когда заканчивается очередной временной цикл и человек оказывается во власти магических цифр. В общественной психологии и в духовной жизни конец одного века и начало нового вызвали эсхатологические ожидания, тревогу неизвестности, склонности к мистике и апокалиптике. Как образно подметила Л. Березовая, само историческое время предстает в виде стрелы, пущенной из прошлого в будущее, но в момент рубежа веков эта стрела времени сделала своего рода выгиб, излом, напомнив человеку об архаическом чувстве цикличности, круговорота. Собственно, сам декаданс, замешанный на эсхатологическом ощущении конца цикла, был всего лишь художественным символом состояния национальной души, культурным синдромом «поворота веков», «его пессимизм, апокалиптичность были не деструктивным элементом, а поиском мостов перехода к новому циклу» [2, 112].

Концепция циклического времени и периодического возрождения истории доминировала в работе Гераклита «Фрагменты»; она прозвучала в платоновском «Тиме», в «Исповеди» св. Августина; над «мифом о вечном возвращении» задумывались Ф. Ницше, О. Шпенглер, М. Элиаде. По мнению Д. Затонского, представление о жизни как о прохождении неизменно повторяющихся циклов

является «не только наиболее древним, но и наиболее естественным, ибо имманентно самой природе» [4, 186].

Исторический пессимизм, столь свойственный циклическим концепциям истории, наглядно проявился в космологических теориях Древней Индии. Так, индуистская доктрина учит, что человеческий цикл, называемый Манвантара, разделяется на четыре века, отмеченные таким же числом фаз постепенного помрачения первоначальной духовности. И ныне мы находимся в четвертом веке Кали-Юга, или в «тёмном веке», в котором человек биологически, интеллектуально, а также по своим этическим и социальным функциям стоит гораздо ниже, чем его предки. Этот век, который идет под знаком распада и который неизбежно должен закончиться катастрофой, не оставляет людям никакой надежды, и они вынуждены страдать еще больше, чем страдали люди предыдущих веков. Как правило, все эти теории, в основе которых лежит «ужас перед Временем», сводятся к анализу пути, по которому направляется современная цивилизация к своему полному уничтожению.

Под влиянием Востока идея о вечном возврате была востребована и философами античности. Платон причину регресса и космических катастроф усмотрел в самом процессе движения Вселенной, чье вращательное движение может происходить как в одну, так и в другую сторону в зависимости от желания Бога, который то придает ей круговращение, то «предоставляет ей свободу – когда кругообороты Вселенной достигают подобающей соразмерности во времени» [8, 27].

Но стоит той изменить свое первоначальное направление, как вслед за этим «с нами, живущими в пределах этого неба», произойдут разительные перемены: «На всех животных тогда нападает великий мор, да и из людей остаются в живых немногие. И на их долю выпадает множество удивительных и необычных переживаний, но величайшее из них то, которое сопутствует вихрю Вселенной, когда ее движение обращается вспять» [8, 29]. Что же Платон вкладывает в понятие «удивительные и необычные переживания»? Прежде всего, это время, которое отныне для человека движется в обратную сторону, и, что изначально было смертным, перестало стареть и выглядеть старше, более того, наоборот, «все стали моложе и нежнее: седые волосы старцев почернели, щеки бородатых мужей заново обрели гладкость, возвращая каждого из них к былой цветущей поре; разгладились также и тела возмужалых юнцов, с каждым днем и каждой ночью становясь меньше, пока они вновь не приняли природу новорожденных младенцев и не уподобились им как душой,

так и телом». Таким образом «старческая природа переходит в природу младенческую», что же касается мертвых, лежащих в земле, то им уготовано вновь воскреснуть. Именно тогда, по утверждению Платона, и зародилась так называемая раса земнорожденных (т.е. рожденные прямо из земли). Люди этого золотого века были лишены памяти о прошлых поколениях; для них не существовало государств, как и не было у них в собственности ни жен, ни детей; они кормились плодами фруктовых деревьев, а также тем, что в изобилии давала им земля: «Голые и неприкрытые бродили они большей частью под открытым небом. Ведь погода была уготована им беспечальная, и ложе их было мягко благодаря траве, обильно произрастающей из земли» [8, 30].

Подобно этому мифу об изначальном рае, столь красочно описанном Платоном, греческие стоики уверовали в то, что Вселенная переживает бесчисленные циклы растяжения и сокращения, развития и распада; «периодически она вспыхивает великим пожаром и понемногу образуется вновь; затем ее прежняя история повторяется вплоть до мельчайших деталей, ибо цепь причин и следствий – это безвыходный круг, бесконечное повторение» [3, 658]. Следуя Гераклиту или непосредственно восточным гностическим учениям, стоицизм популяризировал идеи, связанные с Великим Годом и с Космическим пожаром (миф о гибели мира в пламени, из которого праведные выйдут нетронутыми), которые приводят к концу Вселенной, чтобы через некоторое время вновь ее обновить. Аналогичные представления о циклическом развитии истории по нисходящему направлению были широко распространены в эллинистически-восточном мире. Наиболее яркое тому подтверждение эта смена веков в «Метаморфозах» Овидия, когда после сотворения мира человек переживает смену веков, и на место Золотого века, этой великолепной «Аркадии», придет Серебряный, Бронзовый и, наконец, Железный век:

Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и
верность.

Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья судьи, – в безопасности жили без
судей [7, 11].

(Пер. С. Шервинского)

В представлении Овидия «золотой век», где отсутствуют законы и суды, где нет труда, войн, мореплавания и «сладкий вкушали покой

безопасно живущие люди», потому прекрасен, что время в нем замерло, включено в неподвижную вечность. Признаки «золотого века» описаны у Тибулла и у Вергилия в «Георгиках». Сенека (со ссылкой на Посидония) допускает для «золотого века» существование власти, но такой, которая заботилась лишь об общем достатке, защищала слабейших от сильных, действовала не силой, а убеждением. Люди «золотого века» в представлении Сенеки жили в блаженной неподвижности до-истории. Г.С. Кнабе видит во всем этом «глубочайший, органический консерватизм», явившийся, по его мнению, главным принципом отношения римских писателей ко времени: «нравы предков действительно были для римлян наставлением, идеалом и нормой, а движение времени вперед – соответственно нарушением идеала и нормы и, следовательно, утратой, разложением, порче» [6, 284].

В той же тональности об идеализации прошлого и осуждении новизны рассуждает и М. Элиаде, который приходит к выводу, что суть всех этих представлений сводится к одному: «Современный исторический момент представляют собой деградацию по сравнению с предыдущими историческими моментами» [10, 105].

Таким образом, в классическом мире декаданс был расценен как естественный закон природы, и поскольку представлялось невозможным остановить центробежную тенденцию разрушения, то и сам «факт вырождения не порицался с таким моралистическим усердием и негодованием, как в настоящее время» [11, 4], – приходит к заключению К. Сворт.

Интерес к теории о циклическом развитии мира вновь был проявлен на рубеже XIX и XX века, когда заговорили о закате западной цивилизации, о крушение гуманизма, о надвигающемся «средневековье», о современном декадансе. Широкую популярность приобретает идея о всеобщей деградации европейской нации, стоящей перед распростертой бездной. Одними из первых заговорили об этом французские публицисты, активно стремившиеся доказать, что страна, породившая Марата, Робеспьера, Наполеона и прошедшая через многочисленные войны и революции, находится на пороге упадка, причем этот процесс можно зримо наблюдать как на биологическом, так и на медицинском, историческом, политическом уровнях. В трудах К.-М. Родо «О декадансе Франции» (1850) и Г. Рошфора «Французы периода упадка» (1866), задолго до появления трактата М. Нордау «Вырождение» (1892) на псевдонаучных медицинских данных была сделана попытка доказать, что французы не просто истощились физически, но и стали психически неустойчивыми, т.е. невротиками.

Эта идея прочно укоренилась в общественном сознании и нашла своих достойных последователей. Но если одни, подобно Родо и Рошфору, ставили неутешительный диагноз своему поколению, другие, как, например Э. Золя, открыто признавались в том, что им нравится эта эпоха безвременья: «Мне кажется, что иной среды, иной эпохи художник не может и желать. Нет больше учителей, нет школ. Царит полнейшая анархия, и каждый из нас является мятежником, который мыслит для себя, творит для себя, борется для себя. <...> А какой широкий горизонт! С каким трепетом мы ощущаем в себе рождение новых истин!» [5, 12].

Но подобные внутренние ощущения, о которых говорит Золя, были скорее исключением, чем правилом. Показателем времени становятся всеобщие пессимистические настроения, отрицание веры в самую возможность чего-либо истинного. Пессимизм, как и в далеком прошлом, был провозглашен во Франции «болезнью века», ему в первую очередь оказались подвержены души молодых людей. Французские декаденты, возмнившие себя новыми калигулами, неронами, мессалинами, будут сравнивать свою эпоху с погрязшими в излишестве последними веками Римской Империи, с декадансом Петрония. Что позволит П. Верлену написать сакральную фразу, ставшую поистине эмблемой эпохи: «*Je suis l'Empire à la fin de la decadence*».

Литература

1. Бердяев, Н. А. О «Литературном распаде» / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции : сб. статей. – М.: Канон, 1998. – С. 142–148.
2. Березовая, Л. Г. История русской культуры: в 2 ч. / Л. Г. Березовая. – М.: ВЛАДОС, 2002. – Ч. 2. – 400 с.
3. Дюрانت, В. История цивилизации. Жизнь Греции / В. Дюрانت. – М.: Крон-Пресс, 1997. – 704 с.
4. Загонский, Д. Постмодернизм в историческом интерьере / Д. Загонский // Вопросы литературы. – 1996. – Май–Июнь. – С. 182–205.
5. Золя, Э. Что мне ненавистно / Э. Золя // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. – М.: Худож. лит., 1966. – Т. 24. – С. – 12–18.
6. Кнабе, Г. С. Историческое время Рима / Г. С. Кнабе // Кнабе Г. С. Материалы по общей истории культуры и истории культуры Древнего Рима. – М.: Индрик, 1991. – С. 279–298.

7. Овидий. Метаморфозы / Овидий // Овидий. Собр. соч.: в 2 т. – СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. – Т. 2. – С. 7–321.
8. Платон. Политик / Платон // Платон. Соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1972. –Т. 3. – Ч. 2. – С. 19 – 42.
9. Савельев, К. Н. Литература английского декаданса : истоки, генезис, становление / К. Н. Савельев – Магнитогорск: МаГУ, 2007. – 344 с.
10. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) / М. Элиаде // Элиаде М. Избранные сочинения : Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000. – С. 23–127.
11. Swart, K. W. The Sense of Decadence in the Nineteenth-Century France / K. W. Swart. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1964. – 272 p.

DECADENCE AND THEORY OF CYCLIC HISTORY

Saveliev K. N.

Abstract

The article specifies the concept of “decadence” according to the terms of the cyclic history theory. The author analyzes the different concepts of political and cultural decline as in ancient religious cosmologies as in the nineteenth-century decadence.

Key words: Decadence, Transitional Periods, Myths, Theory of Cyclic History, Historical Pessimism, Idealization of the Past, Golden Age